

АЛЕКСАНДР СКИДАНОВСКИЙ

МАХАОН

ИЛИ ИСТОРИЯ
О ПРОПАВШЕЙ ДЕВОЧКЕ

ИНОГДА ТАЙНА
НАЧИНАЕТСЯ
С ТИХОГО УЗЛА

РЕАЛЬНОСТЬ СТРАШНЕЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ
СОВРЕМНЕННЫЙ ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

Александр Скидановский

Махаон. История исчезновения

<https://litres.ru/73827522>

SelfPub; 2026

Аннотация

На пустыре за школой пропадает семиклассница Динарка. Её лучшая подруга Алеська начинает собственное расследование и всё чаще замечает странного махаона — бабочку, которой в октябре быть не должно. Школьная сатира постепенно превращается в мистический детектив, где самое страшное прячется не в другом мире, а в обычной жизни.

Содержание

Пролог	4
Узел у сарая	4
Неделей раньше	6
Глава 1. Мышь на химии	6
Глава 2. Чёрный выход	11
Глава 3. Поле за школой: короткий путь	16
Глава 4. Палатки у поля и первый махаон	18
Глава 5. Компасы и просьба «на завтра»	25
Глава 6. «Подожди меня в столовой»	29
Глава 7. Велосипед в траве	37
Глава 8. Сделка в стороне: взрослые игры подростков	43
День пропажи	50
Глава 9. «Подожди меня в столовой»	50
Глава 10. Расследование	56
Глава 11. Юра	60
Глава 12. Что-то проясняется	66
Глава 13. Учитель, который нравится всем	73
Глава 14. «ОБ»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александр Скидановский

Махаон. История исчезновения

Пролог

Узел у сарая

Калининград.

12 октября 2021 г.

После обеда случилось страшное.

К концу четвёртого урока в школу опять приехала полиция.

Целых две машины.

А вслед за полицейской машиной зачем-то приехала ещё и скорая помощь.

В коридорах все вдруг засуетились, забегали и неясно зашумели.

Директриса с бледным лицом стояла в дверях учительской и тихим голосом что-то надиктовывала испуганному завучу и секретарю.

По школе поползли страшные слухи, которые подтверди-

лись очевидцами, куда-то сбегавшими и видевшими всё своими глазами.

Рядом со школой, на крайнем участке самостроя, в каком-то сарае нашли небрежно связанный узел с вещами девочки.

Курточка, колготки, платье, туфли.

На одежде была кровь.

Это были вещи семиклассницы Динарки, пропавшей три дня назад.

Алеська, одноклассница и лучшая подруга Динарки, узнав про страшную находку, испугалась больше других.

Главным образом потому, что не знала, как рассказать сегодня ночью подруге, что она, скорее всего, убита.

Неделей раньше

Глава 1. Мышь на химии

Самое обидное — это когда тебя наказывают несправедливо.

Но ведь пришла домой живой и целой, правда уже в темноте.

И пока мама грозилась в наказание забрать и телефон, и планшет, Динарка тихо и быстро убиралась у себя в комнате — пока мама не зашла и не увидела, как она называет «не комнату девочки, а какой-то свинюшник».

Свинюшник был быстро приведён в божеский вид, а мама, поворчав, конечно же, успокоилась, и весь вечер прошёл мирно и тихо.

Только вот домашку Динарка не сделала.

Потому что настроения не было.

А сегодня в школе — сидишь себе тихо весь урок, сидишь, значит, как мышка какая: тише травы и всякой воды.

Это не потому, что ты вся прилежная, а чтобы, не дай бог, не вызвали к доске, домашка ведь не готова.

Давно известно, что по закону подлости можно день за днём старательно выполнять домашнее задание, переписывать упражнения и задачи аккуратным почерком в тетрадку,

но учителя, как сговорившись, хором будут тебя не замечать.

Но стоит хоть один раз прийти с неподготовленной домашней работой — и педагоги о тебе моментально вспомнят.

Нюх у них специальный, что ли.

И тогда несделанную вчера работу приходится второпях, на одной коленке, переписывать на переменке у подруги.

Или сидеть на уроке тихо-тихо.

Динарка выбрала второе.

А тут — бац! — тебе посреди урока на голову падает самая настоящая дохлая мышь.

Динарка ведь девочка и, естественно, пугается и кричит.

Вернее, орёт во всё горло.

Светлана Андреевна, учитель по химии, подпрыгивает на месте, роняет там даже что-то и, не разобравшись, кто да что, набрасывается на бедную Динарку и выгоняет её в коридор.

А Динарка и сама не знала, какой именно из одноклассников это сделал.

Ведь учащихся с «особенностями развития», как выражается Валентина Анатольевна, классный руководитель её 7 «Б» класса, у них больше половины.

Вообще, если по-честному, химичка Светлана Андреевна не особо злая учительница.

По сравнению с другими учителями, конечно.

Кругленькая, маленькая и суетливая — её поэтому и зовут все «Молекула».

Побегаёт, покричит и успокоится.

А понять её можно: урок сорван, конечно.

Теперь одноклассники будут ржать до конца года.

Ещё и кличку могут обидную Динарке придумать.

От этой мысли у неё даже похолодело что-то внутри.

Точно придумают, решила она.

Особенно этот идиот Савельев... Он на язык злой, как змея.

Динарка не трусливая, но чего-чего другого, а очень не хотела, чтобы ей в этом новом году случайно не придумали какое-нибудь дурацкое прозвище.

Как на днях несчастной Ольге Ковалёвой прилипло: «Семафор».

Она и ростом высокая уродилась, бедолага, и всего-то один раз перепутала слово «светофор» с «семафором», пока читала вслух текст на литре.

Русичка-злыдня её громко поправила, и весь класс вместе с Савельевым радостно похихикал.

Теперь ей, бедняжке, так и ходить с этим прилипшим, как репей, именем — до самой старости.

Спрашивается: почему до старости?

Так ведь кто знает — вдруг один из одноклассников, не дай бог, конечно, встретится потом, когда они взрослыми станут, где-нибудь на работе.

Увидит Ольгу и обязательно заорёт:

— О, привет, Семафор!

А там, на работе той будущей, тоже такие же, наверное, найдутся — и всё...

Ты теперь не Ольга Алексеевна Ковалёва, а опять, как в детстве, Оля «Семафор».

В школьном коридоре было светло, непривычно пусто и почти тихо.

Через двери слышались то нервные, то убаюкивающие голоса учителей.

Динарка надела рюкзак и по-быстрому (пока не попалась на глаза рыскающим по школе завучам) собралась уйти и спрятаться куда-нибудь до перемены.

Неожиданно дверь кабинета химии снова отворилась, и вместе с рюкзаком, пакетами и сменкой в коридор вывалилась Алеська, одноклассница и лучшая подруга Динарки.

Вслед за ней вылетели слова химички:

— А докладная будет и завучу, и директору отправлена!

Такие слова учителей для Алеськи, кстати, были совершенно безразличны.

Она с детства занималась балетом, из-за вечного балетно-голодного своего существования имела остро жалеющих её родителей и не боялась никаких докладных.

Может, поэтому подруга всегда была на позитиве и с готовностью бросалась оказывать любую помощь всем окружающим.

Покормит котёнка, даст списать на контрольной, отдаст зарядку на телефон и вымоет доску в классе от чужих рисо-

валок.

Такая вот безотказная душа.

Ещё одной её особенностью была схожесть с колхозной лошадкой, потому что она всегда таскала на себе какие-то пакеты-сумки, словно, выходя из дома, на всякий случай забирала с собой в школу все свои вещи, оставляя в комнате только мебель.

Динарка ещё ни разу не видела Алеську в школе с пустыми руками.

Дверь захлопнулась.

Алеська опустила на корточки и, зажимая рот рукой, продолжала беззвучно хохотать.

— Ой, сдохну щас... Подожди... — с трудом выговаривала она, махала пакетом и пыталась отдышаться.

Динарка с пониманием смотрела на неё и одним пальцем показывала «ш-ш-ш» у губ — мол, тихо, балда, — а другим крутила у виска и тыкала в сторону, там, где был кабинет завуча.

Наконец, подхватив подругу рукой, она потащила её в конец коридора — туда, где на переменах всегда была самая большая «движуха», к дверям туалета.

Глава 2. Чёрный выход

Как и в любой приличной школе, туалет (он же тубзик) был не только местом встреч, сплетен и обмена товарами.

Туалет совмещал кабинет психического релаксирования с законным укрытием от завучей и им подобных нехороших людей.

В туалете прятались во время нелюбимых уроков, прогулов, контрольных и прочих школьных напастей, которые с самого утра сваливаются на бедных крошек.

Ведь и в самом деле: заворот кишок, допустим, после обеда в столовке, в школе ведь ещё никто не отменял (хотя всё может быть), а реалистично изобразить жуткую боль в животе или в любом другом месте мог любой, даже самый занюханный первоклашка.

Однако в этот раз туалет не стал спасением подруг.

В комнатке, где висели зеркало и раковины, а также в обеих кабинках набилось уже столько прогульщиц, что Динарка не рискнула там оставаться.

Выслушивая истеричный рассказ Алеськи о том, как химичка, увидев на полу мышь, попыталась запрыгнуть на стул своими короткими ножками, и что от этого у Алеськи чуть не случился инфаркт от сдерживания смеха, а чтобы не умереть прямо там, в классе, ей и пришлось засмеяться, подруги быстрым шагом двинулись дальше.

Короткими осторожными перебежками, с оглядыванием и просматриванием коридоров (разведчики, наверное, если б такое увидели, сразу бы взяли Динарку и Алеську в разведку какую-нибудь), они за пару минут пересекли школу.

Цель была — добраться до чёрного (или, как его называют завхоз, эвакуационного) выхода.

Расположен этот эвакуационный выход в очень удобном для прогульщиков месте — внизу боковой лестницы.

Там никогда не было учителей и вообще взрослых, зато всегда можно было встретить какого-нибудь стоящего в уголке с телефоном охламона, бормочущего, что он не прогуливает тут уроки, а просто потерял и ищет ключи от дома, за пропажу которых родственники обещали его убить.

В тамбуре выхода дверь, некогда застеклённая, имела только остатки стеклянных частей — снизу и сверху.

Середина двери была заделана фанеркой и украшена богатой коллекцией различных наклеек.

Сверху фанеры была видна одна голова с торчащими волосами, а снизу у этой лохматой головы почему-то было четыре ноги в кроссовках.

Потянув дверь за ручку, девочки убедились, что это не кентавр, как на рекламной вывеске у обувного магазина, а два ученика девятого класса, переодетых в спортивные костюмы и кроссовки.

На этом схожесть спортсменов заканчивалась.

Девятиклассники имели очень контрастный вид: один вы-

сокий, лохматый и худой, а второй, наоборот, низенький, стриженный, с лицом стаффордширского терьера и ростом как раз с сидячую собаку.

Они с неудовольствием взглянули на появившихся в дверях подружек, но прогонять их не стали.

Только «Терьер» что-то пробурчал — видимо, что малые вообще в край обнаглели, — и продолжил выглядывать через приоткрытую щель двери на улицу.

Почти весь школьный двор, к радости физрука, за лето был обустроен, как он выразился, зоной физической активности.

Активностью можно было заниматься на беговой дорожке (но упаси бог не в спортивной обуви), а также на снарядах и тренажёрах.

Но только не висеть на них и вообще не залезать, потому что тренажёры теперь в школе дорогие и новые, а дети остались старые и могут этим тренажёрам как-то навредить.

Зато всем свободно разрешалось стоять рядом и сколько влезет на них смотреть.

На улице, судя по громким крикам физрука (что, над ним там кто-то издевается, что ли), проходил урок по сдаче спортивных нормативов.

Оба девятиклассника хоть и были переодеты в спортивную форму, но заниматься спортом, очевидно, не хотели.

Вообще наличие на ученике спортивной формы совсем не означало, что сейчас будет урок физкультуры.

Некоторые учащиеся надевали спортивную форму утром первого сентября, носили её ежедневно весь год и снимали только в обед двадцать девятого мая.

А на уроки физры за этот год могли потратить, если всё собрать, не больше часа.

Старшеклассники из тамбура хотели, конечно же, свинтить с урока физры, но этому мешал сам физрук, торчавший, как назло, прямо напротив двери.

Девятиклассники тихо желали учителю исчезнуть, если не навсегда, то хотя бы на пару минут: им надо было срочно куда-то успеть уйти.

Динарке пришла свежая мысль: раз эвакуационная дверь открыта, можно выйти на улицу и подышать свободой.

(Из школы во время уроков никого не выпускали.)

Она робко попросила девятиклассников их выпустить.

Тот, который был «Терьером», нервно обернулся и сказал, что нет.

Дверь выхода заперта и, по мнению завхоза, надёжно.

Завхоз уверен, что ключ школьники подобрать от этого выхода неспособны.

Так что стойте тихо и не мешайте.

Алеське тоже, видимо, захотелось на воздух.

Мигом оценив ситуацию (она вообще могла иногда быстро соображать), она предложила старшеклассникам свой план:

— Слышь, ребят, а давайте мы выйдем и физрука отвле-

чём чем-нибудь? Он с нами начнёт говорить, а вы — раз! — и пробежите куда вам надо.

Парням идея понравилась, и тот, что пониже, кивая, как настоящий терьер, головой, оживлённо согласился:

— Ок, давайте, правильно, спросите или расскажите ему новость какую-нибудь хорошую для него.

Лохматый длинный тоже подключился:

— Только, девчонки, смотрите: Свисток сейчас на адресе, сообщает плохо.

Так что вы у него что-то попроще спрашивайте.

«Терьер» ещё раз выглянул в дверную щёлочку и добавил:

— Главное, чтобы он спиной стоял к двери и не оборачивался.

Нам полминуты надо: до забора только долететь.

Глава 3. Поле за школой: короткий путь

— Станислав Андреич! Станислав Андреич! — громкими голосами заголосили девочки, подбегая к физруку.

Зная, что все учителя хорошо реагируют на панику, они, размахивая руками и ногами в сторону забора, вдвоём торопливо затараторили: — Мы там... вон там... за забором... шас... сегодня... видели: в траве мяч волейбольный валяется!

Реакция была предсказуема: выпавший изо рта свисток закачался на олимпийском цветастом шнурке, а из освободившегося места тревожно посыпались вопросы: — Что? Мяч? Наш?

Переваривая полученную информацию и разворачиваясь к забору, на который указывали девочки, Станислав Андреич деловито уточнял: — А там точно мяч? Макитовский или какой?

Тем временем две тени, мелькнув на мгновение, исчезли с такой скоростью, что, если б можно было замерить результат секундомером, это был бы несомненно новый мировой рекорд.

— В итоге все завершилось благополучно, физрук и старшеклассники не встретились, а девочки оказались на свободе.

— Нас эти пацаны запомнили теперь, наверное, — сказала Динарка, задумчиво смотря вслед физруку, спешащему к забору.

— Здороваться в коридоре теперь будут... Может, когда выручат в чём.

— Всё-таки хорошо хорошие дела делать, — подытожила она свои размышления и почему-то добавила: — Правильно всё-таки придумано, что мужчина должен быть старше девушки.

— Ладно, пойдём сгоняем в магазин, — предложила она подруге.

— Ещё двадцать минут до перемены — успеем.

— Пойдём, — согласилась Алеська.

Девочки двинулись напрямик через поле за школой к стоящему на его краю ряду торговых палаток.

Почему напрямик через поле — а потому что так ближе, не видно из окон и вообще интересней.

Поле за школой и Балт район.

Глава 4. Палатки у поля и первый махаон

Торговый ряд, который находился за пустырьём недалеко от школы и, как говорила школьная фельдшер, обеспечивал детей будущим диабетом, состоял из нескольких небольших палаток, построенных, как говорили местные, ещё в лихие девяностые.

Динарке всегда было интересно узнать, что это означает — «лихие девяностые», — но мама сказала: — Упаси бог знать такое.

Палатки были все одинаковые, стояли длинными рядами и предлагали один и тот же нехитрый ассортимент товара.

Магазин, в который пришли подруги, назывался немного странно «У Иришки».

Но Иришки там никакой не было, работала там тётя Марина. Продавцы продуктовых палаток делятся на два основных типа.

Тип первый представляет из себя приветливую женщину, весь день на ногах, внимательную к покупателям и к себе.

Очень надо сказать симпатичный тип.

И есть тип номер два.

Теть Марина была стандартным образцом работника продуктовой палатки именно второго типа.

Образец, если смотреть сверху вниз, знаком каждому, кто

вынужден по быстрому, особо не одеваясь, выскочить вечером из дома за хлебом и бегом обратно.

Вначале значит сверху идут пышно покрашенные волосы с заколками, потом яркий макияж, где то под макияжем нос, глаза, и губы.

Губы всегда вам улыбнуться и спросят что вы хотели.

Затем ниже увидите цветастый в пятнышках фартук с бейджиком где сердце.

Под фартуком огромный бюст, чуть ниже вязанные носки и шлепанцы.

Вот такие продавцы как правила любят работать в продуктовых палатках с вывесками типа «У Иришки» Школьники ходили туда часто, и некоторые, конечно, задумывались, что обозначает эта вывеска? Одноклассник девочек Борька Эйнштейн даже предположил, что в этом слове что-то зашифровано, допустим слово «шишки» или «кишки».

«Кишки», конечно, всем больше понравилось.

Так с Борькиной лёгкой руки магазин и получил второе название — «Кишка».

Теперь все так и говорили: пойдём в «Кишку» сходим.

Тётя Марина, продавец «Кишки», новое название почему-то не любила.

Детей она, кстати, тоже любила не очень.

Покупатели они были, как говорила она, на копейку и с гулькин нос, а хлопот с ними до неба.

Правда, это относилось в основном к ребятам.

К девочкам тётя Марина относилась терпимо, говорила: я и сама вроде такой когда-то была, не помню когда, правда, — и продавала поштучно и конфеты, и сигареты, кто что попросит.

Динарка купила пакет с конфетками, Алеська же любила протеиновые батончики, могла их слопать за один присест хоть 10 штук.

Но балетная диета лопать и приседать разрешала только с одним батончиком в день.

В складчину наскребли ещё на бутылочку «Дюшеса», которую по-честному распили, прям как взрослые, на улице около входа.

Бутылку аккуратно поставили на асфальт рядом с переполненной урной и побежали обратно в школу.

Дорога назад в школу из магазина занимала всегда времени минут на пять больше, чем вначале в магазин.

Школяры постоянно опаздывали на уроки, очень удивлялись, и это была необъяснимая загадка природы.

Как сказал тот же Борька Эйнштейн — временная аномалия.

Но объяснить её не смог не только Борька, но и даже пожилой школьный учитель физики Пал Палыч по прозвищу Копатыч.

Поле, или пустырь, через которое возвращались в школу девочки, как говорили по местным новостям, скоро должно было стать «спально-жилым микрорайоном».

Но говорили так уже года два, а пока там спали и жили только кошки, собаки и летом иногда местные алкоголики.

Местным населением это поле называлось почему-то «полем дураков».

Название также осталось загадкой у школьников, так как никаких дураков в поле, сколько ни крути головой, кроме них, не наблюдалось.

Тропинки по полю петляли во все стороны, как в аттракционе «Лабиринт», что в центральном парке.

Лабиринт открылся прошлым летом, был жутко популярным и страшно дорогим.

Этот же аттракцион был пока бесплатным.

Все проходящие через поле играли в игру: кто быстрее доберётся, не перепачкавшись и не пересекаясь с чужой тропкой, до самого его края.

А победителю, конечно же, приходила в голову поговорка из учебника литературы девятого класса: «Жизнь прожить — не поле перейти».

У каждого была своя любимая тропинка, и Динарка привычно пошла по своей, а Алеська потопала по своей.

Но в этот раз она чуть не наступила на то, на что наступать не следовало, и пришлось свернуть немного левее.

Алеська, шурша пакетами, с шумом танка продиралась где-то в стороне за спиной.

Осень собрала уже все листья с деревьев, а высокие зелёные стебли трав, растущих на поле, почему-то не трогала.

Динарка очень любила ходить по таким местам.

Главным увлечением в её жизни уже несколько лет была лепидоптерология.

Это не болезнь, как подумала и сказала Алеська, услышав впервые это слово.

Лепидоптерология — это наука, которая изучает бабочек и мотыльков.

А ещё полезно для дикции быстро повторить десять раз вслух это название.

Язык сломать можно, а быстро поговорить десять раз — нет: это тоже слова Алеськи.

Динарка увлеклась бабочками как раз на каникулах у бабушки, в её военной части.

Провести там две недели было очень скучно, и она спала не только ночью, но и днём, в надежде увидеть интересный сон.

Как-то один раз она увидела у себя в комнате на спинке кровати влетевшую через открытое окно бабочку.

Насекомое сидело, слегка помахивая крылышками, и не улетало.

Динарка полюбовалась прозрачными, переливающимися всеми цветами крылышками, гибкой спинкой и симпатичной, на её Динаркин вкус, мордашкой.

То, что нельзя брать бабочек за крылья, она тогда не знала, как и то, что вся эта красота получается из страшных гусениц, любит, как и Динарка, есть мёд и может зимовать всю

зиму, как медведь.

В библиотеке Динара тем же летом раздобыла книжку с названием «Занимательная энтомология» с картинками про бабочек и насекомых, прочитала её залпом, как ещё никогда не читала ни одну книгу.

С тех пор прошло три года, Динарка — самый знающий человек по бабочкам и мотылькам среди всех сверстников города — так сказал руководитель выставки Виталий Николаевич, когда вручал ей почётную грамоту.

Грамота была с изображением голубой морфы и вручалась Динарке за её коллекцию мотыльков, которую она собирала всё прошлое лето.

Проходя мимо небольшой ямы, Динарка опытным взглядом сразу разглядела большого махаона на стебле кустарника и очень удивилась.

Бабочку махаон называют недаром осенней гусеницей.

Эта бабочка давно уже должна была начать зимовать в виде куколки.

А эта кружит, позабыв, что сейчас октябрь, а не середина июля.

Остановившись и разглядывая бабочку, Динара удивлялась всё больше и больше.

Это был очень странный махаон.

Хвостики на задних крыльях отсутствовали, синие лунки в виде глаз для отпугивания хищников тоже не было видно.

Зато размер тельца и лапок удивлял — форма была со-

всем не похожей.

Бабочка эта считается дневным обитателем и встречается очень редко, её даже занесли в Красную книгу.

Надо будет записать в дневнике про эту встречу, думала Динарка, любуясь её крылышками и полётом.

Это, конечно, самка, рассуждала она, самки крупнее самцов, а эта вон какая огромная, с ладонь мою.

Бабочка поднялась и пролетела почти, касаясь лица девочки, перед ней.

Она то подлетала, то удалялась, как будто звала Динарку куда-то за собой.

— Ну что ж, пойдём, пойдём за тобой, раз зовёшь, — улыбнулась ей Динарка.

Она шла быстрым шагом, боясь потерять бабочку из виду.

— Динарка, ау, ты где? — донёсся издалека Алеськин голос.

— Надо бежать на уроки, — опомнилась Динарка.

— Ладно, приду сюда потом, — решила она и, прокричав:

— Иду, иду! — двинулась к подруге.

Глава 5. Компасы и просьба «на завтра»

По понедельникам уроки всегда были какие-то особенно тяжело переносимые.

Может, из-за поставленных подряд двух уроков математики с русским, а может, из-за ощущения, что вся учебная неделя ещё впереди и вообще, как любила говорить подруга Алеська, жизнь — штука не всегда весёлая.

Её-то, кстати, сегодня и не было в школе.

Повезло: у неё пробная балетная репетиция в театре, она там весело пляшет.

А Динарка все шесть уроков, как несчастная немая, одиноко просидела за партой.

Когда школа наконец-то закончилась и она вышла на крыльцо, то неудивительно, что настроение было под стать погоде: такое же дрянное.

На улице, как обычно к концу уроков, зарядил дождик.

Динарка тоскливо посмотрела на тучи: туч было много, а зонтика не было.

У Алеськи всегда с собой в пакете где-нибудь отыскивался зонтик.

Динарка, наоборот, сумки и пакеты носить не любила, всегда рассчитывала на подругу, и у неё был самый маленький рюкзачок во всём классе.

Динарка уже пять минут стояла одетая и с рюкзаком за спиной, не решаясь спуститься со школьного крыльца.

Здесь же толпились ещё несколько беззонтиковых личностей — и тоже ждали чего-то.

Может, они ждали с моря сухой погоды, а может, надеялись, что ветер украдёт и принесёт им чей-то зонтик, или появится кто-то, кто умеет разводить тучи руками.

Долгие ожидания, конечно же, всегда оправдываются.

Быстрым шагом, с обычным деловым видом на лице, на крыльце появился учитель по ОБЖ Олег Борисович.

Для краткости дети называли его «ОБ».

Он деловито покрутил головой и присвистнул: — Только вроде солнце светило.

Заметив кучку нерешительных фигур на крыльце, поинтересовался: — Что, домой не идём? В школе понравилось?

— Зонтика нет, — пожаловалась в ответ кучка.

— А дождь, может, скоро закончится.

Ждём вот.

«ОБ» посмотрел на часы, потом на небо и ответил: — Дождь-то закончится, конечно.

Вопрос только — когда.

И, ощупывая себя по карманам, отыскивал ключи от машины.

Найдя, наконец, связку, он подбросил её вверх и ловко поймал, а потом неожиданно скомандовал: — Ладно, поехали.

Доброшу, так и быть.

А то сахарные, видать, растаете ещё.

Кучка и Динарка, смущаясь, начинали отнекиваться, но «ОБ» нетерпеливо махнул рукой: — Давайте уже.

По дороге расскажете, что там вам неудобно.

Машина у ОБ называлась «Каблучок», была двухместная, а сзади небольшой кузов.

Динаре, как девочке, досталось место рядом с водителем, мальчишки разместились друг на дружке в кузове.

«ОБ» крутил руль и привычно ворчал на балтийскую погоду: говорил, что у них в Средней Азии за год выпадает воды меньше, чем тут за неделю.

А потом, видимо, от скуки стал расспрашивать Динарку о всяком разном: кем работают её родители, посещает ли она какие-то кружки-секции, сколько у неё дома братьев, сестёр и питомцев — и прочую ерунду, которую почему-то любят узнавать у детей взрослые.

Узнав, что Динара третий год собирает коллекции насекомых, удивлённо покачал головой, а потом неожиданно предложил: — Значит, ты человек ответственный.

Мне как раз такой завтра нужен.

Писать-считать ты умеешь, надеюсь? Завтра у вас какой третий урок по расписанию — физ-ра? Отлично.

Я договорюсь, чтобы тебя отпустили.

Поможешь мне в судеюстве на спортивном ориентировании.

И объяснил: — Соревнования у нас завтра, у парней вось-
мых-девярых классов.

На пустыре за школой.

Спортивное ориентирование называется: с компасом хо-
дить по полю будут, по азимуту ориентиры отмечать, а ты у
меня судьёй будешь.

А то девчонки из их класса — специально или не специ-
ально, не знаю уж, — но что-то путаются в оценках часто.

— Значит, договорились.

Ну беги.

Приехали.

Рюкзак не забудь.

До завтра.

Глава 6. «Подожди меня в столовой»

Как вы уже знаете, Динарка любила всяких там мотыльков и бабочек.

Она увлечённо их собирала, выкармливала куколок, а когда бабочки доживали свой век — размещала по специальным коробочкам.

Три дня назад увлечение (в виде двух больших стендов) было выставлено в экспозиции городского краеведческого музея.

Все эти три дня подруги аккуратно ходили туда, чтобы полюбоваться табличкой с надписью: «Коллекция мотыльков и бабочек Лебедевой Динары».

На следующий день Динарка, как и обещала Олегу Борисовичу, отработала судьёй, помощником и даже немного учителем.

Она сама в журнале выставяляла оценки напротив фамилий учеников, которые диктовал ей Олег Борисович.

Весь урок она провела с ним и девятиклассниками на пустыре за школой.

Старшекласники бродили по полю с компасами в руках, улюлюкали на весь район, как индейцы в тропиках, устраивали в кустах засады друг на друга и веселились до упаду.

К концу урока компасы были сложены девятиклассниками в картонную коробку у ног Динарки, оценки выставлены

её же рукой в журнале Бориса Олеговича, а сама судья, расхваленная «ОБ» за помощь, отправилась в школу к подруге делиться впечатлениями.

По старому школьному обычаю делиться впечатлениями было принято либо в столовке, либо в туалете, и подруги выбрали столовую.

Динарка с пакетом, рюкзаком и курткой в руках вышагивала по коридору рядом с Алеськой и не переставала разглазговать о том, что вот в девятом классе пацаны как пацаны, даже компас не сломали.

Не дойдя до дверей буфета, она вдруг остановилась и хлопнула себя по лбу: — Олег Борисович просил ведь забрать, забыла!

Она сделала круглые глаза, крикнула: — Жди меня здесь!

И, даже не оставив ей пакет с плакатом и рюкзак с курткой, убежала.

На бегу, правда, ещё обернулась и крикнула: — В столовку без меня не ходи, я быстро туда и обратно!

И всё.

Звонок на алгебру прозвенел, а она так и не появилась.

Прогулять урок — дело, конечно, стоящее, но одной, без подруги, это свинство.

Алеська крутилась за партой, поминутно смотрела то на дверь, то в окно, как будто ожидая там появления подруги, но так и не дождалась.

Не появилась она и на следующем уроке.

Пропажа Динарки была очень странной.

После последнего урока в кабинет зашла классная руководительница Валентина Анатольевна.

Алеська сразу поняла, что это по её душу.

Валентина Анатольевна подошла к её парте и начала ей что-то говорить.

Так как в классе все привычно шумели, а голос классная руководительница имела очень тихий, Алеське, чтобы понять, пришлось вслушиваться изо всех сил.

— Напоминаю, что тебе и Динаре за сегодняшний срыв урока — выговор.

Очень некрасиво вы поступили.

Чтобы докладная не ушла к директору, подойдите к учителю и извинитесь сегодня же.

Кстати, а где Динара? Я её утром видела с Олегом Борисовичем — и всё.

Выслушав и почти всё разобрав, Алеська уверенным голосом, как про оценки в разговоре с родителями, заявила: — А Динарка сегодня к врачу записана на 11:30 была, вот и ушла.

— Странно, — удивилась Валечка, — а почему мама её не сообщила мне ничего?

Пожав удивлённо плечами, Валентина Анатольевна подзвала старосту класса Вальку Добрую (это фамилия у старосты такая, хотя она и сама классная девчонка) и ушла с ней в актовый зал репетировать приближающийся праздник День

народного единства.

Проводив взглядом выходящих из класса двух Валентин — старосту и классную руководительницу, — Алеська собрала свои пожитки и тоже заторопилась: нужно было успеть домой до прихода мамы.

Если мама обнаружит, что новая блузка, купленная для праздников, не висит аккуратно в шкафу на вешалке, а напялена на любимой дочери в будничнй день, у Алеськи будут проблемы.

Дорога домой проходила опять мимо магазинов.

Прозвенев дверным колокольчиком, Алеська второй раз за день зашла в магазин «У Иршки».

Тётъ Марина в синем фартуке, наклонившись над прилавком и зачем-то высунув язык, что-то старательно выводила фломастером на маленьких ценниках.

Алеська потихоньку достала телефон и сфотала тётъ Марину с фломастером.

Класс, подумала она.

Проиграл очкарик.

Фотография тётъ Марины ей нужна была всего на один денёк, в качестве вещдока, и потом, конечно же, будет моментально стёрта.

Дело в том, что неделю назад они поспорили в классе на тему: кто же заполняет ценники в этом магазине.

Ошибки в надписях вроде «огурецы», «голень детская» и «жаренная кафель» удивляли детей при каждой покупке.

Боря Кацман по прозвищу Эйнштейн, поплёскивая очками, горячо доказывал, что это пишет специальный маркетинговый менеджер и что это такой гениальный приём для привлечения покупательского потока.

Динарка же с Алеськой утверждали, что всё проще: просто тёть Марине повезло в детстве с родителями, и она никогда не училась.

Или училась — но в их школе.

Они тогда сильно поспорили, и спор уже грозил перейти к побоям, но эхо предков подсказало Боре, что разумнее так будет ограничиться спором на три желания.

«Что б ему такое загадать?» — подумала Алеська, и приятные мысли закрутились в голове, но пока Алеська оставила их на потом и, сделав жалобное лицо, обратилась к продавцу: — Тёть Марина, здрасте, а Динарка не возвращалась случайно? Её на матеше чё-то не было...

Тёть Марина спрятала язык, отложила фломастер и, вздохнув, посмотрела сверху вниз на Алесю.

Этот фирменный взгляд, от которого терялись даже самые авторитетные местные алкоголики, не произвёл на Алесю никакого впечатления — и не такие взгляды приходилось, бывало, переживать в школе местным семиклассникам.

— Я што вам... — пророкотала тёть Марина.

Она умела басить удивительным густым мужским голосом, который было слышно очень далеко.

— Я што вам здесь поставлена считать, сколько раз в день

вы мне все нервы трепите своими покупками на гулькин нос?

Она пророкотала такое длинное предложение совсем без запятых и вернулась к фломастеру.

Алеська поняла, что нет, вздохнула, повернулась и вышла на улицу.

За пустырём начиналось поле, а за полем высились корпуса школы.

«Куда она подевалась, может, дома сидит?».

Телефон молчит, на уроки не вернулась и, главное, не отдала Вале с большим трудом сделанный для школьного праздничного вечера плакат, над которым Динарка трудилась несколько вечеров и наконец-то сегодня притащила его в школу.

Не зайти в школу Динарка не могла.

Может, она в яму там какую-нибудь провалилась? — мелькнула мысль.

Да нет, позвонила бы или орала — голос у неё что надо, с децибелами.

Вон как сегодня молекулу напугала...

Нет, надо пройтись по-быстрому по полю, а потом идти домой, решила Алеська и, поудобней подхватив сумку со сменкой, отправилась в поле искать подругу.

Алеська вышагивала по полю, раздвигала руками и ногами кусты, пинала попавшиеся по дороге консервные банки и временами выкрикивала непонятные для других звуки.

Посторонний человек, например русичка, подумал бы,

что девочка такая молодец: тренирует произношение и дикцию, проговаривая хаотично твёрдые гласные и всякие там согласные.

А это на самом деле был их с Динаркой тайный, собственный язык: «дыгыр кадур дыр гдер» обозначал «Динарка, дура, ты где?».

Школьный язык, сформировавшийся последним из человеческих языков, как известно, выдержал все проверки и оказался самым универсальным для детей средством общения.

К примеру, ещё будучи в детском садике, Алеська с подружкой придумали сократить его название до «ДС», что означало «дом страданий».

И в дальнейшей жизни традиция сокращать слова оказалась очень удобной.

В школе никто у вас не спросит: «Ты пойдёшь к Оксане на день рождения?» Скажут так: «Ты на ДР к Ксюхе идёшь?» А сказанное наоборот «РД» обозначало, что родаки дома.

Или, допустим, одноклассница начинает тыкать тебя пальцем в бок, чтобы ты рассмеялась.

Ты поворачиваешь к ней недовольное лицо и громко говоришь: — БЖ, дура! Что означает претензию: «Больно же».

А прозвучавшее наоборот «ЖБ» и протянутая пачка с чипсами означало предложение: «Жрать будешь?».

Также из одного-единственного универсального слова можно было составить сложноподчинённое предложение.

Допустим, глагол «хрючить»

Он обозначает, что ты, возможно, спишь, ешь, говоришь по телефону, делаешь домашку или идёшь по улице.

А если приставить приставку «за-», то получается, что ты что-то забрал, забыл, зажал, и вообще тогда ты полный хрюндель.

Алеська вышагивала по тропинкам, громко выкрикивала во все стороны обычные слова, перемешивала их с сокращёнными, энергично крутила головой и внимательно прислушивалась.

В ответ было слышно, как шумит осенний ветер, чирикает какая-то птица и с проходящей недалеко железной дороги доносится свисток маневрового тепловоза.

Сигналов от подруги не было.

Пройдя всё поле один раз вдоль, Алеська вспомнила геометрию и пошла теперь поперёк.

Точная наука безошибочно сработала: она почти сразу увидела, как около небольшой ямы были аккуратно уложены знакомый рюкзак, сменка, свёрнутый плакат в пакете, а сверху — телефончик в розовом чехле.

Это были вещи Динарки.

Глава 7. Велосипед в траве

Кто придумал три урока физкультуры в неделю в школе? Кто этот человек с огромным сердцем и любовью к детям, сделавший хоть чуть-чуть школьную жизнь не такой невыносимой?

Два-три прогулянных и прожитых с пользой для себя урока в неделю очень много значат.

Забытая форма, поддельная записка от мамы — все эти пустяки давали свободные часы передышки прямо посреди недели.

В школе среди старших классов всегда находились очень занятые люди, которые приходили в спортзал только в конце мая — договориться по-взрослому с физруком по оценкам.

Одним из таких людей был друг длинного Юрки Космоса — девятиклассник Торкунов Толян по кличке ТТ.

Вторым, или, вернее, третьим его именем было «Толик б/у» или «Секонд-хенд».

Несмотря на маленький вес и рост, к своим шестнадцати годам Толик проворачивал большие дела.

Почти все крупные сделки по округе и в школе, связанные с куплей-продажей всего стыренного — в виде велосипедов, телефонов и другого ходового товара, — проходили с его участием.

Природа наделила Анатолия незаметной внешностью, со-

бачьим нюхом и волчьей хваткой.

Сегодня была крупная сделка: взрослыми парнями с района был угнан и спрятан в поле почти новый горный велик.

Покупатель у Толика был давно подготовлен — Геннадий, новый ухажёр тётъ Марины из магазина «У Иришки».

Работа Толиком была проведена, как всегда, на пятёрку: клиента надо было подготовить и убедить, что на таком велике он выгодно отличается от других многочисленных безлошадных претендентов на женское сердце.

Плюс к тому же ЗОЖ на велосипеде восстанавливает печень, что в их будущем союзе с тётъ Мариной будет очень актуально.

В общем, Геннадий ждал велосипедного (или телефонного) звонка у себя в огороде сегодня как раз с десяти до одиннадцати — как по расписанию урока физкультуры.

Толян вместе с Юркой Космосом и с помощью каких-то девчонок удачно сдёрнули с физ-ры и помчались зарабатывать деньги.

Перемахнув своими длиннющими ногами через забор и неспешно шагая, Юрка слушал рассказ поспешающего рядом изо всех сил коротконового Толяна о его новой любви с редким нынче именем Светка.

Любовь Светкину он планировал заполучить за счёт своей доли с велика.

— Понимаешь, друже, — учительским тоном рассуждал Толян, — сердце дамы можно завоевать, но легче и быстрее

купить.— Что купить? — переспрашивал наивный Юра.—
Сердце, — терпеливо втолковывал Толик.

— Орган такой у людей есть.

У всех почти, кроме моих бывших.

И этот орган, если на него немного потратиться, будет твоим навеки.

Таким, как ты, это может и не надо, — продолжал рассуждать Толян.

— У тебя вон рост есть...

— А я, когда с Юлькой встречаться хотел, она сказала, что чувствует себя неловко со мной.

У неё ассоциации, понимаешь, нехорошие такие — как будто она младшего брата опять в парке выгуливает... А с братом у неё отношения, говорит, с детства не сложились.

Так и расстались мы с ней.

— О, стоп, пришли.

Нам надо на ту тропинку пойти, где Серый сегодня ночью кучу навалил для маскировки, чтоб не шастались рядом.

Потом десять шагов в сторону — и в яме, под ветками, лежит красавец.

Ориентиров таких в поле, надо сказать, было немало, но Серый постарался, и парни, зажимая нос, быстро нашли тропинку.

— Этот Серый твой что, падалью питается? — зажимая нос рукой, спрашивал у друга Юра.— Не знаю, — отвечал Толян, тоже закрывая рукавом нос и морщась.

— Но у него к этому делу талант.

Его пацаны с центра всегда для маскировки спрятанного используют — платят ему немного, вот он и жрёт, видимо, что-то несвежее... После него к месту, где спрятан товар, никто и близко не подойдёт.

Друзья по-быстрому отсчитали шаги и нашли аккуратно прикрытый травой, ветками и листьями, в приятной бордовой раскраске, свежестыренный велосипед.

Хозяин жил где-то далеко, в центре, был, видимо, буржуем и в тех местах, где обитали Геннадий с Серым, появиться не мог.

Толян любовно протёр сиденье, позвякал звоночком, пощёлкал переключателем скоростей и сказал: — Уже завидую тому, кто будет ездить на нём, когда его опять угонят.

Ну что, пойдём?

Юра молчал.

Он, не отрывая взгляда, смотрел куда-то в поле, потом негромко сказал: — Что за фигня?

— Что такое? — испугался Толян.

— Полиция, что ли?

Ему не было видно из-за высокой травы того, что видел высокий Юра.

— Ну что молчишь? Тебе на ходулях своих хорошо, а я ничё ж не вижу.

Чё там?

Юра отвернулся, махнул рукой и сказал: — Наверно, по-

мерещилось.

Как будто девчонка какая-то стояла и руки вверх так...

Однако досказать не успел: из-под его ног выпорхнула то ли птичка, то ли бабочка.

Потом ещё, ещё — и вдруг с каждого кустика, травинки, веточки загудело и зажужжало: сотни или тысячи насекомых — жуки, комары, бабочки.

Они невысоко поднялись и полетели куда-то в середину поля.

Ребята стояли, открыв рот и озираясь кругом.

В воздухе стоял шум, как будто они попали в улей к пчёлам.

Через несколько секунд шум стал стихать, удаляться и остановился где-то далеко.

— Слушай, что это было? Нет, ты видел? Ты видел? — наперебой спрашивали они друг друга. — Это мошкара слетела вся... к дождю, что ли? Или от Серого кучи на юг все полетели?

Толик оглядел облака и сказал: — Вроде дождь сейчас пойдёт.

Смотри, какие тучи набегают.

Давай пойдём быстрее, клиент ждёт там уже.

Только по другой тропке пошли, а то меня реально стошнит, если ещё раз близко подойти к Серёгиным ориентирам.

После этого, аккуратно держа велосипед за руль с двух сторон, как козу за рога, ребята быстрым шагом отправились

в сторону частного сектора, чьи домишки виднелись на противоположном краю поля.

Глава 8. Сделка в стороне: взрослые игры подростков

Сектор этот считался самостроем.

Его всё обещали снести, чтобы понизить криминогенную обстановку рядом со школой.

Обещания длились много лет: сектор всё так же коптил небо, и в нём так жил и не тужил местный народец — самый коренной, между прочим, обитатель Балтрайона: Шпандинцы.

Жилым сектором посёлок именовался только в планах муниципалитета — и то в папках с надписью «Подлежит сносу».

В народе этот район знали под названием Шпандин.

Загадочное название, возможно, произошло от слова «шпана», представители которой проживали там в третьем поколении.

Может, что другое — этого не знали даже местные старожилы.

Отсутствие воспоминаний было оправданно, так как эти самые старожилы временами забывали и своё собственное имя.

Проживало там немало и бывших выпускников нашей МАОУ СОШ, под родные стены которой они ходили по малой нужде ещё в далёком детстве.

Вместе с расплодившимся своим потомством они и составляли костяк жителей знаменитого на весь Калининград областного рабочего района.

Геннадий, коренной шпандинец, был владельцем заросшего земельного участка с домиком-сарайчиком, в котором ставил брагу и гнал самогон ещё его дедушка.

Жил Геннадий скромно, роскошью себя не баловал и, когда был на ногах, работал целый день, не покладая, можно сказать, этих ног.

Работа Геннадия заключалась в обходе жилмассива под видом электрика, для чего был припасён форменный спецкостюм с соответствующей надписью: куртка, каска и инструментальная сумка.

Зачем электрику каска, непонятно, но Геннадию она нравилась.

Лицо у Гены было универсальным и соответствовало любой рабочей должности.

Заходя в подъезды многоэтажек, наш электрик в каске внимательно осматривал и аккуратно удалял все металлические части, которые встречались ему по пути: дверные ручки, номерные таблички, все провода без исключения и висячие замочки с почтовых ящиков.

С этих замков всё и началось.

В один прекрасный день какая-то светлая голова из телевизора с восторгом поведала о новом виде мошенничества: ночью злоумышленники вешали замки на ручки автомоби-

лей побогаче и оставляли записку с номером телефона, куда необходимо было отправить небольшую сумму денег — взамен приходила СМС с указанием места, где был припрятан ключ.

Всё очень современно, оригинально и со вкусом.

Геннадий внимательно прослушал наставления и просил.

Замков, ещё не сданных на металлолом, у него было целых двести штук.

Обеспеченное будущее замаячило очень отчётливо.

Для осуществления задуманного доставало только велосипеда.

Ездить предстояло много, а уезжать надо было быстро.

Также у Геннадия имелся племянник — очень перспективный молодой парень, недавно вышедший из тюрьмы и с удовольствием подключившийся к будущему семейному бизнесу.

За воротами послышался шум и условный сигнал в виде ударов ногой по калитке.

«Свои», — понял Гена, вышел на улицу и увидел красного рогатого красавца с блестящими спицами, хромовыми частями и ещё не потёртым пластиком.

Двое парней, улыбаясь, ласково смотрели на Гену.

— Ну что, как тебе, а? — Толик улыбнулся и подмигнул Юре.

— Теперь тёть Марина будет сражена.

Гена молча и быстро завёл всех троих во двор и, оглядев улицу, запер калитку.

Вечер, если есть с кем, а главное с чем, никогда не скучен. Настроение у двух сидевших за столом было отличное.

Гена с племянником отмечали удачную покупку велика, сулившую приличные барыши.

Бизнес-планы ещё не все были обсуждены, закуска в виде томатной кильки не вся съедена, а принесённая от хлебо-сольной Маринки «Калининградская особая» была налита в пластиковые стаканчики и не вся выпита.

Геннадий, нюхая подсохший хлеб, ударился в воспоминания:

— У нас вот тут, помню, в сенях стояла такая бочка с маслом подсолнечным, отжима домашнего.

Мы пацанами ещё... хлеб, помню, чёрный макнём туда, солью посыпаем — и на улицу.

И сразу орать: «Сорок один — ем один!», потому как все слетаются и...

Тут с улицы раздался настойчивый стук.

Гена прервал кулинарные воспоминания, отодвинул кружевную, пожелтевшую от сигарет занавесочку, но ничего не разглядел.

— Темно уже.

Сходи глянь, кто там.

Через полминуты в дверях, помимо растерянного племяша, настроив резкость, Геннадий разглядел знакомое лицо в

форменной фуражке.

Увиденное лицо и фуражка ему не понравились.

— Здравствуйте, господа, кина не будет.

Участковый Зотов на пороге, — весело отрапортовало это лицо.

— И вам не хворать, — сразу упавшим голосом проговорил Геннадий, откашлялся и спросил: — Какими судьбами?

Зотов не ответил.

Оглядевшись вокруг, участковый отодвинул племянника в сторону и сразу увидел прислонённый к стенке велосипед.

Единственная яркая и чистая вещь в доме никак не гармонировала с обстановкой и сразу бросалась в глаза.

Зотов уже монотонным, скучным тоном продолжил:

— Я что, узнать-то зашёл: ты у меня в этом году по какой статье пойдёшь? 158.1 или 158.3?

И с интересом посмотрел на враз побледневшего Гену.

— Дак это, начальник... не мой это, — залепетал Гена.

— Конечно не твой, — согласился участковый.

— Не переживай, — заботливо продолжил он.

— Сейчас пробьём ориентировки и найдём хозяина.

Геннадий затряс головой:

— Так это... пацаны приволокли, — продолжал он жалобно.

— А я его и не трогал вовсе.

— Ну не трогал, так не трогал, — опять согласился участковый.

— Но вот тебя, дружок, потрогать нам придётся.

Поедешь здоровье поправлять.

И прям сейчас.

За последующие две минуты понятными для Гены и племянника словами участковый обрисовал их дальнейшую грустную судьбу, упомянул о причастных и пока не пойманных приятелях Геннадия и отметил, что он, кстати, о них же и заботится, так как тюрьма им всё равно дом родной, а эту халупу скоро снесут.

— Ну так что, граждане уголовники, что погрустнели? — голосом Жеглова весело спрашивал участковый.

— Не хочца опять туда? Не хочется... Тогда слушаем, включаем остатки мозгов и действуем.

— У нас тут пропала девочка, семиклассница.

Сегодня днём.

Вот тут, на поле, от вас пятьсот метров.

Надеемся, что найдется.

Но может и нет.

Ты крокодил здесь, к сожалению, родился, на моём участке.

Надеюсь, скоро и помрёшь здесь.

Но всю гопоту местную ты знаешь.

Даю тебе задания на ближайшие два дня.

— И вот два дня ты не спишь, не ешь, не пьёшь.

Не пьёшь, слышишь, а только носишься по пенатам своим и собираешь информацию.

Она пропала здесь, и кто-то что-то по-любому видел, знает, догадывается.

— Не справишься — учти: я на тебя к велосипеду оформлю ещё убийство Кеннеди, по явке с повинной.

— Всё.

Действуем.

Участковый встал, взял велосипед за руль и, легко покачив его, вышел из дома.

Геннадий молча сидел и смотрел в угол.

— Вот это встрял... — немного помолчав, заговорил он.

Потом добавил— Интересно, кто такая эта Кеннеди.

Так, ладно, пойду к Маринке.

А ты шустриков этих тащи сюда, — обратился он к племяннику.

— Они тож при деле получают.

И, махнув рукой, вышел из дому.

День пропажи

Глава 9. «Подожди меня в столовой»

Алеська закрылась в ванной, включила воду, села на самый краешек и задумалась.

Звуки льющейся воды, закрытая дверь и белый цвет вокруг успокаивали.

С детства ванная была самым любимым её местом в доме, особенно когда грустно или плохо.

Сейчас было и грустно, и плохо, и даже страшно.

Увидев Динаркины вещи, ей сразу стало страшно, и особенно жутко было, что они как-то очень аккуратно были сложены.

Динарка так укладывать точно бы не стала.

Алеське стало понятно, что действительно случилось что-то ужасное.

И потом, в десятый раз рассказывая полицейским, родителям, учителям поминутно весь этот дурацкий день, ей казалось, что она не всё вспомнила: что-то важное ускользнуло... но что?

Они вернулись из магазина в школу вдвоём.

Возвращались через поле, никого рядом не было.

Динарка ещё заверещала:

— Фу, какой запах!

Потом в школе Динарка сказала, что ей надо зачем-то куда-то сбежать, а ты жди меня в столовой.

Пошла по коридору.

И не вернулась ни в столовую, ни на уроки.

Пропала.

Если бы на неё кто-то напал в школе, Динарка бы орала, дралась, боролась.

Вся школа была бы на ушах, и неизвестно, кому бы помощь больше понадобилась: ей или нападавшему.

Значит, всё случилось на поле, где вещи нашлись.

А может, её усыпили как-то — пришла в голову мысль.

Добровольно она бы никуда и ни с кем не ушла.

Значит, усыпили.

Но как? И главное — кто?

Кто-то был там ещё, на поле, получается... Когда шли в школу, она никого не видела, хотя спрятаться в высокой траве несложно.

Надо подумать, кто ещё мог увидеть там тогда, в поле, кого-то чужого...

Стоп.

Пацаны эти, девятиклассники: они ж от физрука побежали туда, в поле.

Надо завтра у них спросить.

Жалко, окна со школы почти не выходят на поле, да и урок был... Хотя с девчачьего туалета, с умывальной комна-

ты, окошко смотрит как раз туда, а в туалете девочек полно было.

Так, кто там был — надо вспомнить.

Эта рыженькая с седьмого, Ксюха с подругой, вроде, ржали в кабинке...

Ладно, завтра собирать информацию буду, решила Алеска, и ей как-то стало легче.

Её никто не обвинял ни в чём, но она чувствовала себя какой-то предательницей, как будто бросила подругу в трудную минуту.

Завтра и вообще, пока не найдёт способ, как помочь Динарке, она не успокоится.

Итак, всё — завтра.

На следующий день удивлённых школьников и педагогов на входе в фойе встречала не сторож баба Нюра, а два высоких и здоровых бугая в чёрной форме с фуражками, болтающимися дубинками на широком ремне и, что особо почему-то впечатлило англичанку, наручниками в чехле на поясе.

Новая охрана была назначена в школу полицией в связи с пропажей школьницы.

Но выглядела эта охрана так, будто только что приехала со съёмок какого-то голливудского или немецкого фильма.

Весь педсостав, исключая только физика Пал Палыча, за две минуты превратил учительскую в модный салон красоты.

В салоне клиентура лихорадочно накручивалась, взволнованно переговаривалась, пудрила носик, красила губы и надушилась так, что пришлось открыть окна в коридоре.

Ажиотаж, конечно, сбился, когда узнали, что пропала наша ученица — Динара из седьмого «А».

Поохав и обсудив случившееся, решили, что всё образуется, и надежда, как говорится, умирает последней.

Вот именно, надежда никогда не умирает, — с этими странными словами англичанка, которую, кстати, звали Надежда Александровна, поправила причёску и решительно пошла вниз, в фойе.

После известия о пропаже Динарки рабочая атмосфера в школе упала.

Теперь после звонка опаздывали на уроки не только дети, но и некоторые учителя.

Впрочем, и школьникам было не до уроков — особенно в 7 «А».

Событие было шокирующим.

Среди одноклассников, конечно, многие, бывало, желали друг другу исчезнуть, пропасть, навернуться или сломать что-нибудь, но как минимум не Динарке.

И вообще — всё понарошку.

Валентина Анатольевна была очень расстроена.

Вместо первого урока она провела классный час по поводу безопасного поведения.

Обсуждали на часе не только безопасное поведение, но и

перебрали версии случившегося.

Версий было мало.

Посторонних людей в школе и около школы вчера никто не видел.

Выходит, Динара сама оставила в поле рюкзак, телефон, вещи и куда-то ушла — и уже там пропала? В это трудно было поверить.

В школе в этот день все было непривычно.

Например многочисленная администрация, растревоженная событиями вышла из кабинетов, и заполонила коридоры.

Всем своим видом она напоминала поднятого из спячки заспанного медведя.

Что именно делать запови никто не проинструктировал, а для самостоятельных поступков они были неприспособлены.

Поэтому часть административного ресурса школы просто стояла в коридорах, строго рассматривая проходящих мимо них учащихся и педагогов.

Другая же часть, набрав в руки побольше бумажек со столов, бесцельно ходила по этажам.

Особо ненормально вёл себя беспокойный мужчина, по фамилии Петров О. С, прибывавший в должности замдиректора по воспитательной работе.

Он вообразил, что наконец-то настал его час, очень быстро передвигался с озабоченным лицом по коридорам, приставал ко всем с требованием показать ему какие-то журна-

лы по технике безопасности и после обеда зачем-то стал ходить по школе с рацией в руке, которая давным-давно не работала.

Физрук отменил занятия на улице, в столовой на всякий случай вместо обычных вилок на обед стали выдавать пластмассовые, а учителей поставили дежурить по двое на всех этажах.

Глава 10. Расследование

Следственная бригада из трёх полицейских мужчин и одной полицейской женщины приехала в школу ко второму уроку.

Расположились они в кабинете завучей и стали вызывать, как они сказали, просто на беседы, одноклассников Динарки.

С ними был школьный психолог, и, как случайно подслушал Сашка СЭС, они собирались узнать про какое-то конфликтное пространство в классе.

Что это за пространство такое, никто не понял.

Кто-то предположил, что, может, они имели в виду тот пятачок за школой, где иногда после уроков выходили махать-ся один на один пацаны.

Но зашедшая в класс Валентина Анатольевна разъяснила, что имеются в виду личные конфликты.

И что полицейским надо говорить всю правду.

Первой туда позвали по списку Артюхову Анжелку, главную сплетницу класса.

Когда прошло полчаса, а она всё не возвращалась, все приуныли.

Особенно Борька Эпштейн.

Ему кто-то из одноклассников напомнил про спор недельной давности с Алеськой и Динарой из-за ценников в мага-

зине.

Борька, ненатурально посмеиваясь, сказал, что это был обычный, безобидный спор на желания.

Однако потом подошёл к Алеське и тихим, деловым голосом спросил, какие желания он ей должен.

Алеська загадала ему одно желание — исчезнуть.

Борька желание исполнил, сказав загадочно на прощание, что он всегда рядом.

Всю первую перемену Алеська прохаживалась перед кабинетом девятого класса, но тех вчерашних ребят — ни длинного, ни мелкого с собачьей физиономией — в школе не было.

Тогда Алеська переключилась на девочек с туалета.

Рыжая Ксюха с параллельного класса опять была в туалете.

Алеська позвала её на серьёзный разговор вниз.

Кто-то это услышал, кому-то передал — включился испорченный телефон, и по школе поползли слухи, что сегодня какие-то семиклассницы будут махать после уроков на пустыре из-за пацанов.

Макс Беличенко, что принёс эту новость в класс, заявил, что в школе становится с каждым днём всё круче, и он, пожалуй, не хочет, чтоб она сгорела, как он желал ещё недавно.

А ещё очень хотелось бы узнать, что за девчонки сегодня будут биться и из-за каких таких пацанов.

Потом стало ещё интересней.

Вместо того чтобы носиться по коридорам, толпиться в туалете или занять очередь в столовую, вся школа вместе с учителями высыпала во двор и молча смотрела, как по полю ходят какие-то люди с собакой, с какими-то предметами и чемоданчиками в руках, фотографируют, записывают, что-то поднимают с земли и складывают себе в сумки.

Полицейская собака долго ходила по всем тропинкам, обнюхивала землю, часто оборачивалась к проводнику и как будто даже спрашивала у него что-то.

Те, у кого особо хорошее зрение и воображение, утверждали, что человек с поводком даёт ей нюхать ботинок Динарки и показывает ей её фотографию.

Тем временем Алеська убедилась, что с девочками из туалета каши не сварить.

Они почему-то все категорически не соглашались, что посещали вчера туалет во время урока, как будто в этом было что-то криминальное.

Девочки говорили Алеське, что она дура, что ли, что в туалет они ходят только на перемене.

И не в окно смотреть, а пообщаться.

Зато к обеду появились оба девятиклассника.

И длинный с грустными глазами, и мелкий терьерчик были мрачнее тучи.

Найдя их на перемене разговаривающими вдвоём в коридоре, Алеська, немного стесняясь, спросила, не видали ли они на пустыре за школой вчера Динарку.

От такого простого вопроса оба почему-то шарахнулись от неё так, будто у неё змея в руках.

Алеська не привыкла ещё, чтобы от неё шарахались парни, совсем засмуцалась и, повернувшись, быстро удалилась.

В общем, расследователь из неё получился так себе, и она, расстроенная, пошла после уроков побродить по полю и поискать что-то, что, может, не нашла полицейская собака.

Глава 11. Юра

Побродив полчаса по тропкам и не найдя ничего интересного, кроме останков пластмассового разломанного черепа обезьяны, пропавшей из кабинета биологии ещё в прошлом году, она вдруг услышала быстрые шаги за спиной.

Потом над высокой травой показалась лохматая голова вчерашнего девятиклассника.

— Привет, — сказал он.

— А я тебя ищу.

Не хотел в школе при всех говорить.

Потом помолчал и добавил:

— Хорошо, что увидел, как ты сюда пошла.

Тебя как зовут?

И неожиданно протянул Алеське руку:

— Меня Юра.

Ещё никто из ребят не знакомился с ней так необычно.

Она растерянно кивнула, торопливо потрясла руку и, спохватившись, сказала, откашливаясь:

— Очень приятно.

Меня зовут Алесья.

И с перепугу чуть не выполнила реверанс, как привыкла в балетной академии.

Они пошли медленно рядом друг с другом по тропинке.

Юра начал разговор первый:

— Слушай, так это твоя подруга вчерашняя пропала, да? Алеська кивнула.

— А расскажи, пожалуйста, как это случилось.

Я не только из любопытства спрашиваю, — поправился он.

— Ты ведь просила нас сегодня тоже рассказать.

Давай, может, вместе друг другу всё и расскажем.

Вдруг будет полезно.

Тут сбоку затрещали кусты, и на тропинку выкатились два пятиклассника.

Один держал на вытянутых руках перед собой большой зелёный армейский компас с поднятой зеркальной крышкой.

Второй шёл за ним и что-то отмечал карандашом в развёрнутой карте.

— Вы чего, пацаны, тут клад ищете? — весело и удивлённо спросил их Юра.

Первый, с компасом, не ответил, так как напряжённо следил за стрелкой.

Второй что-то пробурчал про задание по ОБЖ, и они продолжили движение точно по прямой, в направлении школы.

Кусты и ветки закрылись за кладоискателями, и треск тоже затих вдали.

Алеська и Юра дружно рассмеялись.

— Во дают, — Юра покачал головой.

— Ну так что случилось-то? — напомнил он.

Алеська спохватилась и начала свой рассказ.

Рассказывать она почему-то стала не со вчерашнего дня, а с того времени, как они с Динаркой подружились, то есть с позапрошлого ещё лета.

А подружились они в столовой летнего лагеря.

Вернее, до столовой, в корпусе отряда, в первые же минуты прибытия.

Динарка тащила свои вещи в отряд и столкнулась в заставленном вещами коридоре с худощавой девочкой с огромными глазами.

Девочка, хоть и была худенькой, но пройти вдвоём с чемоданами было неудобно.

Кто-то должен уступить дорогу.

И глазастая худышка, улыбнувшись ей из-за огромного своего чемодана, кивнула головой — проходи, мол, — и отошла назад.

Чем, конечно же, сразу понравилась Динарке.

В столовой они сели вместе, и девочка отдала ей вначале свою котлету, а потом бутерброд и сок с батончиком.

Мне такое нельзя, объяснила она.

— Болеешь? — сочувственно поинтересовалась Динарка.

Девочка улыбнулась и сказала:

— Да, болею балетом.

С тех пор они всегда были вместе.

До вчерашнего дня.

Он молча слушал, не перебивал.

Только удивлённо переспросил про Динаркино увлечение

бабочками и как-то странно посмотрел на неё.

— Ты знаешь, — сказал Юра, когда она закончила, — я думаю...

Тут он запнулся и замолчал.

Алеська с удивлением взглянула на него: что, слов не может подобрать или забыл, о чём думал? У неё такое бывало.

Юра же стоял и молча смотрел куда-то перед собой: то ли в пустоту, то ли увидел кого-то.

Странноватый парень.

Алеська скосила глаза и немножко наклонила голову, чтобы рассмотреть его получше.

У него оказалось, несмотря на лохматую причёску, довольно симпатичное и даже такое, как сказать, умное... или вот слово правильное — интеллигентное лицо.

Хоть и без очков.

И хорошо, что без очков.

Действительно, в лице самое главное — глаза.

Раньше, когда у Алеськи спрашивал кто-нибудь, та же Динарка, какие ей нравятся глаза, у неё обычно был такой ответ:

— Глаза? Что глаза... Мне всё равно, какие там у человека глаза.

Желательно, чтобы их было два, и всё.

Юрины глаза были грустные, как у коровы из мультика, и глубокие, как колодец в деревне.

Так поэтически пришло в голову Алеське.

Ладно, если так паяльаться на его глаза, то свои можно вывихнуть и косоглазие заработать.

Юра наконец очухался, повернулся к ней и негромко продолжил:

— Я думаю, что это очень странная, очень странная история.

Но мне хочется помочь и тебе, и этой Динарке с бабочками.

У меня сейчас есть проблемы, по моей глупости всё, но я разберусь со всем.

И давай вместе будем разгадывать эту историю, если ты не против, конечно.

И он вопросительно посмотрел на неё.

Алеська, конечно, против не была.

Она была очень даже за.

Во-первых, одной сложно, трудно и не получается.

Во-вторых, ради подруги она согласилась бы на любую помощь, хоть от чёрта лысого.

А уж от такого, как Юра...

Помимо возраста, глаз и роста у него оказалась ещё куча преимуществ — пальцев не хватит подсчитывать.

Во-первых, он умный.

Во-вторых, хороший.

В-третьих, симпатичный.

В-четвёртых, в классе девки обзавидуются.

В-пятых, и самое главное, она привыкла к нему за послед-

ние десять минут так, как будто знала его ещё с садика.

— Давай, — быстро закивала она.

— Я не против.

Глава 12. Что-то проясняется

Пока они разговаривали и нарезали уже третий, а то и пятый круг по полю, Алеська ничего не замечала вокруг.

Но, проходя через самый центр, где перекрещивалось большинство путей-тропинок, она сразу узнала место и ту ямку с бугорком, где вчера лежали Динаркины вещи.

Сегодня здесь было сильно натоптано: трава кругом прижата, сразу видно, как много людей тут шаталось.

После полицейских на это место оперативно прибыли все пятьсот учеников-мальчишек.

Каждый хотел лично, своими глазами и руками, обыскать, найти и узреть что-то крайне важное, что до него не увидели и не нашли пятьсот других пар глаз и рук.

Алеська остановилась и стала осматриваться.

Свежая земля показывала, что тут даже что-то копали.

— Ой, смотри, Юра, а вот здесь я нашла её вещи.

Вот так лежал рюкзак, сверху пакет... — Алеська торопливо начала рассказывать, показывала и чертила в воздухе руками.

— Значит, сверху рюкзак, а на нём сменка, потом пакет с плакатом и сверху телефон.

И самое главное — ты знаешь, это не Динарка укладывала, я уверена.

Она бы просто в кучке всё оставила! А тут всё квадрати-

ком было сложено...

Юра внимательно выслушал её, оглядел и ямку, и бугорок, а потом стал осматриваться кругом — опять искать что-то взглядом где-то вдалеке.

Даже на цыпочки привставал.

Это с его-то ростом.

— Так, так... — бормотал он, и потом воскликнул: — Придумал!

Сразу став деловитым и собранным, он огляделся вокруг, что-то поискал глазами, нагнулся и поднял с земли какую-то длинную ветку, всучил её Алеське и заговорил торопливо и сбиваясь:

— Слушай, Аська, сейчас мы с тобой кое-что проверим.

Ты стой здесь, вот с этой поднятой палкой, чтобы я тебя видел.

Я отойду.

И если буду кричать: «Пройди вправо» или «влево», то ты иди.

Только палку не опускай, хорошо?

Алеська кивнула и спросила:

— А зачем это?..

Но тут же спохватилась:

— Конечно, хорошо!

И подняла руку с палкой как можно выше.

Она сразу заразилась его изменившимся настроением и почему-то заволновалась.

Юра быстро пошёл куда-то в сторону, и скоро раздался его далёкий голос:

— Ася, иди правее, шагов пятьдесят!

«Не Ася вообще-то, а Алесья», — подумала она, но послушно пошла считать шаги, правда, с волнения чуть не перепутала, где справа, где слева.

Пройдя шагов сорок, она услышала, как Юра закричал:

— Всё! Стой там!

И через минуту, запыхавшись, он появился сам и сразу стал внимательно осматривать землю, кусты и всё вокруг.

Алеська тоже стала вслед за ним смотреть кругом, но ничего необычного не увидела.

Разве только что...

Она остановилась и засмотрелась на кусочек земли перед собой.

Никак не могла вспомнить, что он ей напоминает.

Что-то такое, связанное с Динаркой.

Наморщив лоб, она стала щёлкать одновременно с двух рук пальцами — вначале медленно, а потом всё быстрее и быстрее.

Этому приёму её научила Динарка, а Динарку — какой-то военный из бабушкиной части.

Кто обучил военного, неизвестно.

Так вот: если нужно что-то вспомнить важное, а оно как назло не вспоминается, то пожалуйста — сейчас научим, есть способы.

Индейцы майя, когда нужно было запомнить что-то хорошо и надолго, нюхали растения с резким запахом, а потом, чтобы вспомнить обратно, нюхали опять это же растение — и, пожалуйста, всё вспоминалось.

Хороший способ.

Он, кстати, объясняет любовь некоторых (да что там некоторых — поголовно всех) девочек к разговорам именно в туалете.

Выслушивая рассказ подруги и вдыхая ароматы хлорного туалетного воздуха, всё запоминалось намертво.

Можно потом, хоть через двадцать лет, здесь же, в школе, на встрече выпускников, зайти опять в тубзик с той же самой старой своей туалетной приятельницей, которую не видела уже лет сто.

Встать, как раньше, за дверью, чтобы не видела завуч, и спросить:

— А помнишь?..

А если она скажет:

— Нет, не помню, —

надо сказать:

— Ты что, дура? Ну-ка вспоминай скорее!

Дура вздохнёт поглубже, понюхает тот же хлорный воздух, наморщит лоб — и сразу же, конечно, всё вспомнит.

Кроме этого способа с запахом Алеська знала ещё способ вспоминания.

И не хуже.

Нюхать там особо ничего не надо.

Просто надо встать, нахмурить лоб, поднять две руки перед собой и начать поочерёдно щёлкать пальцами, только обязательно меняя скорость и ритм.

Нащёлкала — и вуаля: память вдруг начинает вспоминать такое, что ты и сама не помнишь, где и когда это было с тобой.

Пощёлкав мелодию барабанщика, Алеськина память тут же выдала картинку: ну точно же!

Как тем летом они в лагере собирали каких-то Динаркиных бабочек и козявок, и она показала ей на одно место:

— Видишь, на земле как пудрой насыпано? Здесь был та-нец фей.

Потом стала объяснять, что так называется место, где мотыльки или бабочки «посеяли» нектар, потому что их тут было очень много.

А почему их бывает много, Динарка точно не знала.

И вот прямо перед её ногами, рядом с кустиком можжевельника или чего-то другого (Алеська не сильна в биологии), на земле был отмечен такой же белой пудрой довольно большой кружок.

Алеська присела и осторожно, пальцем, потрогала землю.

— Что ты нашла? — наклонился рядом с ней Юра.

И только она захотела ему сказать, что ничего, как вдруг увидела такое, что у неё задрожали пальцы.

Алеська осторожно убрала несколько листочков и комоч-

ков.

На земле был вдавленный след обуви большого размера, а в нём — три кругленьких маленьких цветных кружочка.

— Юра... — прошептала она.

— Смотри, это Динаркины конфеты.

Она их тогда купила, и у неё как раз чуть-чуть оставалось.

Она мне половину отсыпала... И место тут такое — бабочки тут были, много.

Мне Динарка как-то показывала, видишь...

И она, жестикулируя руками, торопливо рассказала ему про танец фей.

Юра внимательно слушал, смотрел на землю, помолчал, а потом сказал:

— Я тебе сейчас расскажу.

Ты только никому не рассказывай.

Алеська напряглась.

— Короче, мы были тут вчера, недалеко, с Толяном.

Там, куда я бегал сейчас.

У меня из-за этого как раз сейчас проблемы... ну, это ладно.

И вот оттуда я увидел... Я думал, что мне тогда показалось.

Я увидел девочку, видимо твою Динарку, вот прям здесь, где мы стоим.

Алеська почувствовала, как у неё мурашки побежали по спине и рукам.

Юра негромко продолжал рассказывать:

— Она стояла и смотрела вверх.

И руки подняла обе к небу.

Так странно мне показалось... А потом, представляешь, вокруг нас, везде вдруг взлетела мошкара и полетела вот сюда, получается.

— Какая мошкара? — переспросила Алеська.

— Не знаю, — пожал плечами Юра.

— Я не очень-то разбираюсь в них.

Но разная: и бабочки, и жуки.

Их прям миллионы были... Потом мы ушли.

Но я и представить не мог, что ей опасность какая-то грозит.

Я бы никогда не ушёл, никогда.

Ты веришь? — тихо спросил он и посмотрел Алеське прямо в глаза.

— Я верю, — так же тихо ответила она.

Глава 13. Учитель, который нравится всем

Есть такие люди, которые нравятся всем.

Всем — в смысле всем детям.

Детям и животным.

Динарка не раз убеждалась: если взрослого любят дети, то его любят и животные.

И наоборот.

Собаки, кошки, птицы — все любят добряков.

А добряки любят и собак, и кошек.

В общем, вот такой любовный клубок получается.

Про взрослых сказать трудно: взрослые мало кого любят.

Динарка с Алеськой даже по себе заметили, что чем старше человек становится, тем больше вещей ему перестают нравиться.

Допустим, погода.

Динарке в детстве нравилась любая погода.

Она и в дождь, и в снегопад всегда готова была идти гулять на улицу.

Теперь же она выросла — седьмой класс как-никак, — и требования к погоде (вместе с прогулкой) тоже подросли.

Погода для гуляний не должна была испортить причёску, новую куртку, быстро нанесённый в подъезде лёгкий макияж (чтоб не видели родители) и прочий сногшибательный

внешний вид.

А то мало ли что.

Ведь кто-то обязательно (тот же Макс из соседнего подъезда) как назло встретится, когда ты с видом мокрой курицы вышагиваешь по двору домой.

И тогда — пожалуйста: все прошлые усилия произвести впечатление на этого слепого идиота пойдут насмарку.

А с возрастом, когда ей перевалит лет так за тридцать-тридцать пять, если, конечно, климат на Земле не поменяется в лучшую сторону, она наверняка станет домоседкой.

Но сегодня, несмотря на дождь, домой со школы она все ж таки добралась с комфортом.

Её опять на своей машине довёз до дома учитель по ОБЖ — Олег Борисович.

ОБЖист был одним из немногих учителей в школе, которые давали надежду поверить, что «учитель» и «мучитель» — это просто совпадение, этакая игра слов.

Таким учителям-исключениям дети, как правило, не давали даже прозвища, а называли между собой просто по имени — допустим, «Олег», — или, как старшеклассники, коротко и по-домашнему: «Борисыч».

Узнайте у своих детей, кого из учителей в школе называют просто «Борисычем», — и вот вам готовый образец редкого, исчезающего вида: «педагог нормальный».

Правда, в Динаркином 7 «Б» обычные имена или отчества

людей всё равно мало кто использовал.

У всех одноклассников, кроме имени-фамилии, по которым их с детства знали родители и вызывали к доске учителя, было как минимум ещё по парочке дополнительных имён.

Это было необходимо для удобства, конспирации и скорости выговаривания.

Допустим, Васильев Антон у всех в телефонах был записан просто как «Мазай».

И дело, конечно, не в возрасте и не из-за любви к тонущим зайцам.

Прозвища всегда прилипают к тебе из-за собственной глупости и неосторожности.

В прошлом году зимой ему родственники привезли откуда-то (из далёкого прошлого, наверное) жуткую шапку-ушанку.

Видимо, в качестве наказания головной убор Дед Мороз подсунул под ёлку.

Жестокие родители надели ушанку ему на голову, сказали: «Зато тепло!» — и отправили в школу.

А он, по глупости, не выбросил её где-нибудь по дороге, а так и заявился пред глазами одноклассников.

По литре тогда как раз проходили Некрасова с иллюстрациями.

На одной из них был изображён вылитый Антон в ушанке — с зайцами, но без бороды.

Называлась картинка «Дед Мазай и зайцы».

Было то, повторяюсь, прошлой зимой.

А сейчас Антон так привык к своему второму имени, что отзывается в основном только на него.

И даже сам говорит, что удобное, мол, имя.

Антонов в школе пруд-пруди, а Мазай — один.

Второе другое имя у Антона-Мазая было «АП» — сокращённо от Антона Павловича.

«Как Чехов», — сказала бы русичка.

И у Алеськи, Динаркиной подружки, тоже было «АП», потому что её папу тоже зовут Павел.

И когда она вырастет и будет вместе с Динаркой работать в Баттерфляриуме (что это — я потом расскажу), её будут называть: Алесья Павловна.

Так получилось в классе сразу два «АП», и чтоб не было путаницы, умные головы придумали сокращать ещё и фамилию.

Алесья Павловна Антонова превращается в «АПА».

Известный поганец-юморист, одноклассник Савельев по кличке «СЭС», сразу придумал стишок:

«Апа-апа, опа-опа, Ах какая тута попа».

Алеська долго гонялась за ним на перемене по школе, и с помощью Динарки (загнав его под лестницу) произвели экзекуцию.

Так что Олег Борисович превратился в их классе в «ОБ».

Так и говорили:

— «ОБ щас в тире, не знаешь?»

Но «ОБ» — это же не обидно.

Не молекула какая-нибудь, как химичку, например, зовут.

«ОБ» вообще был необычным учителем.

Во-первых, он был мужчиной.

А мужчине работать учителем в школе сложно — автор знает, о чём говорит.

Потому что автор сам учитель.

Ну и само собой — мужчина.

А предмет, который ты преподаёшь, не имеет большого значения.

Как говорила методист на педагогическом совете:

— «Всё дело, коллеги, в нашем с вами межличностном общении»

Личности в школе очень разные.

Начнём с самых маленьких.

Автор помнит, как в первый же рабочий день он стоял и дежурил на перемене около начальных классов.

К нему подкатила кукла-первоклашка и стала его рассматривать восхищёнными глазами.

Потом очень просто спросила:

— А у вас есть жена?

Автор, засмуцавшись, отвечает:

— Пока нет.

А что?

Кукла удовлетворённо кивает головой и объясняет: про-

сто ей срочно нужен сейчас папа, и поэтому, если у него нет жены, то он легко может жениться на её маме.

С дамами постарше всё тоже непросто.

Коллектив в основном женский, мужчин по пальцам пересчитать, и на тебя (в качестве мужской особи) претендует огромное количество прекрасных дам со всех трёх этажей.

Нужен им ты, правда, не весь.

От тебя требуются твои, как они почему-то думают, умелые мужские руки.

В каждом школьном кабинете есть масса мест, куда их нужно приложить.

А так как ты человек воспитанный и не обучен говорить дамам «нет», то твой рабочий день начинается не со звонка на урок, а как раз после уроков.

К тому же, по давней традиции, если в школе где-нибудь передвигают что-то тяжёлое, ты обязательно должен там присутствовать.

Всё это сказывается на здоровье.

Особенно на зрении.

Начав работу в школе, у автора сразу что-то случилось со зрением: он перестал видеть деньги.

А ещё заметил, что цифры домов он теперь читает не как раньше.

Допустим, «девять А» — теперь твой искажённый мозг читает это как «девятый А».

Или «седьмой Б».

Потом автор замечает за собой, что безошибочно угадывает любых учителей в любой толпе на улице.

Рыбак рыбака, как говорится.

Это его забавляет поначалу, а потом пугает.

Потому что они его тоже вычисляют.

Значит, они становятся похожи.

Передвигаться по улицам учителю вообще непросто.

Допустим, ты едешь в переполненном автобусе.

Тишина.

Люди, покачиваясь, держатся за поручни, и на тебя, естественно, никто не обращает внимания.

Потом в автобус заходят двое.

Скорее всего, из шестого класса.

Ты не успеваешь спрятаться и слышишь громкий шёпот на весь автобус:

— Серый, зырь, вон наш физрук едет!

Серый зырит и не видит.

— Где?

— Да вон же! — отвечает первый и громко орёт: — Алексан Владимыч, здрасте!

Ты делаешь вид, что ты никакой не Алексан и не Владимыч.

Но поганец будет громко продолжать с тобой здороваться, пока ты ему не ответишь.

Весь автобус с любопытством начинает тебя разглядывать.

На первой же остановке ты быстро выходишь и оставши-
еся шесть — от греха подальше — идёшь пешком.

Глава 14. «ОБ»

«ОБ» пешком не ходил.

У него была машина — жёлтенький фургончик «Рено Кангу», в котором он часто перевозил (по всяким делам и без дела) школяров.

Также, в отличие от других учителей, он не грозил двойками и жалобами родителям, не отмечал прогулов, часто шутил и вообще был своим парнем.

Парнем, конечно, он был уже староватым — лет тридцать-тридцать пять.

Хотя физически он очень даже хорошо сохранился.

Англичанка так и сказала:

— Вы очень хорошо к своим годам сохранились.

На что «ОБ» хмуρο ей отвечал, что он не то чтобы хорошо сохранился, а просто плохо развивался.

И как-то во дворе школы подтянулся двадцать раз на турнике.

Легко спрыгнул, поклонился и сказал стоящим вокруг ученикам:

— Учитесь, заморыши!

Заморыши ему тогда громко и одобрительно похлопали, особенно те, кто выиграл спор.

Физруку, который тоже был рядом и всё видел, увиденное не понравилось.

Сам физрук на том турнике, наверное, и двадцать секунд провисеть не смог бы.

Поэтому они так с «ОБ» в школе и не сдружились.

(Физрук дружил, как и положено, с трудовиком.

Ученики подозревали, что эти двое вообще прибыли с одной планеты.)

Лёгкости общения ОБЖиста с любыми (даже с самыми так называемыми «трудными детьми») обзавидовались и самые, так называемые, «опытные педагоги школы».

Стоя на переменах в коридоре, поблёскивая очками и покачивая причёсками, «опытные педагоги» нарочито громко обсуждали недопустимость в коллективе какого-то там панибратства.

На что Олег Борисович совсем не обращал внимания.

Появился «ОБ» в школе только в этом сентябре.

Устраиваться на работу он пришёл не один, а всей семьёй.

Вторым в семье был маленький жёлтый автомобиль-фургончик, про который мы уже говорили.

В фургончике на пассажирском сиденье сидел и улыбался третий член семейства «ОБ» — его супруга.

Жена у «ОБ» была весёлая, маленькая, пухленькая, похожая на только что испечённую булочку.

Она тоже хотела работать в школе.

Только не учителем, а в столовой — пекарем.

Звали её Ольга, для детей, соответственно, тётя Оля.

В общем, директор взяла всех троих — и не пожалела.

Эта семья оказалась крутой находкой и для директора, и для детей, и вообще для всей школы.

Олег Борисович за два месяца сумел перевернуть кучу дел.

В эту кучу входили: уроки с обучением связыванию и развязыванию разных узлов (дома перед родителями потом все похвастались, тренируясь на младших братьях-сёстрах умению связать руки врага намертво обычным брючным ремнём); разборка-сборка автомата Калашникова; скоростное надевание на голову глазастых противогазов с хоботами.

Но самые интересные были практические уроки по завёртыванию в костюм противохимической защиты под названием ОЗК.

ОЗК расшифровывался как «общевоисковой защитный костюм».

Олег Борисович объяснял, что этот костюм защищает от вредных химических веществ.

— От химички, что ли? — предположил тогда на уроке Савельев («СЭС»), и класс дружно поржал.

Костюм этот представлял из себя резиновый (обсыпанный каким-то белым порошком) плащ с капюшоном, мотоциклетные перчатки, резиновые сапоги и кучу тесёмок-завязок.

После надевания плаща с противогазом человек начинал походить на космическое чудище.

Чудище, как правило, вслух зачитывало стихотворение: «ОЗК, ОЗК, я похож на мужика...» — и смеялось над собой

громче всех других.

Более весёлых уроков с этим ОЗК придумать было сложно.

Происходило всё это так.

Улыбающийся учащийся под одобрительные возгласы одноклассников неторопливой походкой выходил к доске, разворачивался на 180 градусов и становился пред очами всего класса.

Затем он вешал сумку с противогазом (требовалось обязательно почему-то на левый бок) и замирал.

Олег Борисович с секундомером был рядом.

Говорил:

— Внимание!

Потом рубил воздух рукой и громко выдавал команду:

— Газы!

После этого кто-то обязательно издавал губами громкий звук, класс дружно ржал, а противогаз должен был быстро натянуться (вытягивая назад щёки, глаза и волосы) учащемуся на голову.

Результат: «отлично» — 7 секунд, «хорошо» — 8 секунд, «удовлетворительно» — 10.

После этого комедия продолжалась.

Ученик, жутко похожий на какое-то удивлённое животное с глазами и хоботом, заворачивался в костюм ОЗК, надевал огромные перчатки с раструбами, сапоги, вешал на шею автомат — и в таком виде происходила минутная фотосессия.

Выходить на осмеяние всего класса не рисковали поначалу даже мальчики, но потом все расслабились, и от желающих выйти на примерку и пофоткаться не было отбоя.

На какое-то время аватарки учащихся всей школы были похожи друг на друга так, как будто они все дружно прибыли на Землю с планеты «X».

Ну и, наверное, самыми полезными были практические занятия по оказанию помощи терпеливому и безголосому медицинскому манекену.

В помощь входили: обработка раствором колото-резаных ран, наложение бинта, жгута и давящих повязок, приматывание дощечки к поломанной манекеновой конечности.

Вершиной урока был эксперимент: как проверить с помощью телефона, жив или нет, допустим, твой сосед по парте.

Вы, наверное, подумаете: да очень просто — надо ему взять и позвонить.

Если ответит — значит, жив.

А если не ответил — ну, значит, нет.

А вот и не так.

Проверялось по-другому.

Нужно на телефоне включить фонарик, попросить, чтобы сосед не моргал, и посветить ему прямо в глаз.

Глаз должен меняться.

Ещё можно было поднести экран телефона прямо к губам и посмотреть: если экран запотел — значит, покойник живой.

В классе после проверки все оказались живыми, и эксперимент моментально распространился на всю школу.

Во время перемены все ходили с включёнными фонариками на телефонах, останавливали в коридорах друзей и недругов и проверяли их на живучесть.

Как итог — уроки у «ОБ» никто не прогуливал.

В школе когда-то, ещё в советские времена, в подвале располагался стрелковый тир.

На стене даже сохранились изображения странных детей-школьников, которые жили, видимо, в то время.

Дети со взрослыми строгими лицами стояли навтыжку, хмуро глядели куда-то вдаль (видимо, на врага) и держали винтовки в мускулистых детских ручонках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.